

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050086

Есть ли пословичное изречение в начале «Фесмофориазус» Аристофана?

© 2024 г. С. А. Степанцов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
stephanicus@mail.ru

Резюме. Большинство комментаторов Аристофана, как и автор древнего схолия, считает, что слова Свойственника «Неужели когда-нибудь покажется ласточка!» в первом стихе комедии Аристофана «Женщины на празднестве Фесмофорий» заключают в себе пословичное выражение и означают: «Неужели когда-нибудь настанет конец страданиям!». В XX в. это мнение отрицал Ян ван Леувен. Сомнения ван Леувена имеют по собой почву: анализ упоминаний ласточки в греческой литературе показывает только, что ласточка прочно ассоциировалась с приходом весны, но разбираемое место из Аристофана — первый и единственный в классической греческой литературе случай, когда появление ласточки обозначает не просто приход весны по устойчивой метонимии, но облегчение участи по метафорической связи весны с концом мучений. Материала, который бы подтверждал, что подобное образное упоминание ласточки было пословичным, недостаточно, хотя это весьма вероятно. Если подобная поговорка имела хождение, то в начале «Фесмофориазус» она засвидетельствована впервые, а сама эта комедия — единственная у Аристофана, в которой обычные для пролога сетаования героя начинаются с образного паремического выражения.

Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Ключевые слова: Аристофан, «Фесмофориазусы», поговорка, ласточка, паремическое выражение, символизм, греческая паремеография, греческая комедия, пролог.

Для цитирования: Степанцов С.А. Есть ли пословичное изречение в начале «Фесмофориазус» Аристофана? // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 96–102. DOI: 10.31857/S1605788024050086

Is There a Proverbial Expression at the Beginning of Aristophanes' *Thesmophoriazusa*?

© 2024 Sergey A. Stepanstov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
stephanicus@mail.ru

Abstract. Most of Aristophanes' commentators, as well as the author of the ancient scholium, believe that Inlaw's words "Will a swallow ever appear!" in the first line of Aristophanes' comedy *Women at the Thesmophoria* (*Thesmophoriazusa*) contains a proverbial expression and means: "Will there ever be an end to suffering!" In the 20th century this opinion was denied by Jan van Leeuwen. Van Leeuwen's doubts are justified: an analysis of references to the swallow in Greek literature shows only that the swallow was strongly

associated with the arrival of spring, but the discussed passage from Aristophanes is the first and only case in classical Greek literature when the appearance of a swallow does not just mean the beginning of spring (metonymically), but also relief in general (metaphorically). There is not enough evidence to confirm that such a figurative mention of swallow was proverbial, although this is very likely. If such a proverb was indeed in circulation, then at the beginning of *Thesmophoriazusae* it is attested for the first time, and this comedy itself is the only one in Aristophanes in which a character's discontent, usual for the prologue, is uttered by means of a figurative paremic expression.

Acknowledgements. The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries".

Key words: Aristophanes, Thesmophoriazusae, proverb, swallow, spring, symbolism, paremic expression, Greek paremiography, Greek comedy, prologue.

For citation: Stepanov, S.A. *Est' li poslovičnoe izrechenie v nachale "Fesmoforiazus" Aristofana?* [Is There a Proverbial Expression at the Beginning of Aristophanes' Thesmophoriazusae?]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 96–102. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050086

Как известно, комедия «Женщины на празднике Фесмофорий» (далее «Фесмофориазусы») начинается с того, что на месте действия перед домом поэта Агафона появляются Еврипид и изможденный хождением за ним его Свойственник, который восклицает: «О Зевс! Неужели когда-нибудь покажется ласточка!» (ὦ Ζεῦ, χελιδὼν ἄρα ποτὲ φανήσεται;).

Уже в древности эти слова толковались как иносказательное изъяснение Свойственником нетерпения и недовольства или, точнее, как недоверчивое высказывание им надежды на прекращение мучительных хождений вслед за Еврипидом. Такое понимание отражено схолиями к первому стиху комедии в Равеннской рукописи (единственной, в которой она целиком сохранилась). Схолиаст поясняет: «Так как обычно по зиме желают весны, а весною появляются ласточки, этот же словно бы пережил зиму, водимый туда-сюда расхаживающим Еврипидом». И далее: «Это он сказал мягко, в смысле "когда я избавлюсь от этой беды?", как те, кто по зиме желает, чтобы пришла весна» (ἐπεὶ εἰώθασιν ἂπὸ χειμῶνος εὐχεσθαι ἔαρ, τῷ δὲ ἔαρι χελιδόνες φαίνονται, οὗτος δὲ ὥσπερ ἐχειμάσθη περιαγόμενος ὑπὸ Εὐριπίδου ἀλύοντος. τοῦτο ἔφη ἐν ᾗθει οἶον "πότε ἀπαλλαγῆσομαι τοῦ κακοῦ τούτου;", ὥσπερ οἱ ἐκ χειμῶνος ἐπιθυμοῦντες ἔαρ ἀφικέσθαι. Schol. ad Aristoph. Thesm. 1 [1, p. 264]).

В таком именно смысле и истолковывают первый стих комедии большинство комментариев XIX – начала XXI в. к «Фесмофориазусам», включая три последние большие комментария Соммерстайна [2], Прато [3] и Остина–Олсона [4].

При этом столь же единодушно отвергается возможность понимания первой строки комедии

в буквальном смысле, то есть как буквального сетования на затянувшуюся зиму и выражения надежды на прилет ласточки, а значит, на наступление весны. Эта точка зрения была обсуждена и отклонена в целом уже в XVIII в.; см. мнения комментаторов и их разбор у Диндорфа [5, pp. 296–297].

В самом деле, если бы первые слова Свойственника в буквальном смысле относились к изображаемому в комедии времени, то есть выражали бы надежду на скорый прилет ласточки во время праздника Фесмофорий, то это было бы нелепо: Фесмофории праздновались глубокой осенью¹, когда надежда на скорый приход весны неуместна. Если же эти слова в буквальном смысле относились бы ко времени постановки пьесы, то есть к Великим Дионисиям² весною, это было бы не намного более оправданно. В марте (иногда и раньше) – начале апреля ласточки разных видов уже мигрируют через Афины и даже поселяются в Аттике, но даже если во время постановки «Фесмофориазус» в 411 г. до н. э. ласточек в Афинах почему-либо еще не было и весна не витала в воздухе (чего, кстати сказать, поэт не мог предвидеть заранее во время сочинения комедии), такое нарушение сценической иллюзии, когда персонаж высказывает публике свое замечание о погодных условиях в текущий момент, должно быть хоть

¹ В Афинах с 10-й по 13-й день пианепсиона, месяца, охватывающего часть октября и ноября [6, S. 51–52]

² «Фесмофориазусы» были поставлены на Великие Дионисии 411 г. до н. э. или на Ленеи предшествовавшей зимой. Подробно о том, почему предпочтительно датировать постановку Великими Дионисиями – в [4, pp. XXXIII–XL, особ. XLI–LXIV]. Великие (Городские) Дионисии праздновались в элафеболионе, месяце, на который приходилось весеннее равноденствие [6, S. 138].

как-нибудь оправдано контекстом. Этого мы здесь не видим.

Мы видим, что в следующем стихе Свойственник выражает свою досаду открыто: «Беда мне от этого человека (Еврипида), что расхаживает спозаранку» (Ἀπολεῖ μ' ἄλοῦν ἄνθρωπος ἔξῃωθινοῦ). Этому контексту предшествующая строка соответствует как нельзя лучше, если только понимать ее переносно. Вот довольно удачное пояснение Соммерстайна к первым двум строкам: «Свойственник, видя, что Еврипид остановился (у дома Агафона, куда ему нужно. — С.С.), надеется, что это означает окончание метафорической зимы его недовольства (winter of his discontent), то есть шатания по Афинам» [7, p. 157] (перевод мой здесь и далее — С.С.).

В хоре комментаторов странным диссонансом звучит голос ван Леувена, выпустившего свое комментированное издание «Фесмофориазус» в 1904 г. Ван Леуven отвергал не только буквальное понимание первой строки как высказывания о состоянии погоды (такое понимание отвергают и другие), но и едва ли не насмехался над ее разным пониманием в смысле «неужели настанет конец тяготам?». Вот как сам он [7, p. 5–6] объясняет начало реплики Свойственника:

Утомленный долгим путем, этот человек, которого Еврипид, даже не указав цели путешествия, с самого раннего утра поднял с постели и потащил с собою, в конце концов восклицает: «О Зевс!». Но из большой любви к прославленному поэту и своему родственнику он весьма опасается, как бы не показалось, что он выполняет указания Еврипида неохотно; поэтому он притворяется, что восклицание, которым он выразил свое недовольство, было началом известной песни, что он весел и бодр, а не утомлен и уныл, что он поет, а не жалуется.

Иными словами, по ван Леуvenu, Свойственник ведет себя примерно так, как если бы герой современной пьесы крикнул на сцене «Ох, рано!», а потом, чтобы замаскировать свою досаду, пропел бы: «встает охрана». В соответствии с этим ван Леуven оформляет строку и пунктуационно: «χελιδὼν ἄρά ποτε φανήσεται;» у него заключено в кавычки, как слова из песни. Он даже находит кажущееся подтверждение своему толкованию в сцене из комедии «Лягушки», где Эак испытывает Диониса и Ксанфия на выносливость (чтобы выяснить, кто из них бог), и каждый из них после удара сначала от боли выкрикивает имя бога (Аполлона, Посейдона) в порядке эмоционально-междометной божбы, а потом развивает

обращение к этому богу, делая вид, что вспомнил стихи о нем (Aristoph. Ran. 659, 664–665³):

Так и Дионис в Лягушках, вступив в испытание на выносливость, от удара восклицает: Ἀπολλὼν! — и тут же прибавляет: ὅς ποὺ Δῆλον ἢ Πυθῶν' ἔχεις⁴, а вскоре раб Ксанфий кричит: Πόσειδον!... ἅλῳς ἐν βένθεσιν и далее⁵ — каждый из них заключает свое высказывание пением, а не скорбным вскриком [7, p. 6].

Такая аналогия очевидно неубедительна. В «Лягушках» маскирующий боль прием, к которому прибегает Дионис (и Ксанфий, как считал ван Леуven), хорошо подготовлен всей предшествующей сценой, комизм его вполне понятен на ее фоне и делается еще более понятным оттого, что в первом случае сам избиваемый пытается объяснить свою реплику, а во втором прерывающий его реплику персонаж пытается уличить избиваемого в том, что ему больно (Ἦλγησέν τις — «Кому-то больно!»). В случае же свойственника его, так сказать, маскирующее пение просто повисало бы в воздухе⁶.

Однако критикуя иные точки зрения на восклицание Свойственника: как на прямое высказывание о времени года (эту точку зрения действительно трудно оправдать) или как на образное и, возможно, пословичное высказывание об облегчении страданий (эта точка зрения теперь принята), ван Леуven не приводит никаких аргументов, а только дает понять свое пренебрежение к чужим мнениям:

Схолиаст приводит такое толкование этого стиха, у которого нет ни головы, ни ног: он относит его к «зиме невзгод», с которой борется этот бедняга. Не лучше обстоит дело и у более недавних... толкователей: Пети считал, что речь идет о времени, когда ставилась пьеса, другие — что о времени Фесмофорий, а Кюстер внушал себе, что «когда же прилетит ласточка!» было пословичным (*in proverbii fuisse: "ecquando veniet hirundo!"*) [7, p. 5–6].

Я, конечно, не согласен ни с надуманным объяснением первого стиха у ван Леувена, ни, в частности, с тем психологическим сценарием, который он изобретает для персонажа. Однако мне кажется не лишним задаться вопросом, чем не угодило голландскому ученому объяснение схолиастов и почему он не считает его правдоподобным, в отличие от большинства ученых

³ В современных изданиях обе реплики с призыванием богов приписываются Дионису.

⁴ «Аполлон, ты, который владеешь Делосом и Пифоном».

⁵ «Посейдон... который в морских пучинах...».

⁶ Недаром ван Леуven считает следующую строку «Беда мне от этого человека...» сказанной в сторону.

Нового времени. Почему (вопреки Кюстеру) ему кажется неприемлемым отнесение высказывания о ласточке к пословицам? А главное: достаточно ли у нас действительно оснований, чтобы считать это выражение пословичным и образным? В поисках ответа на эти вопросы, возможно, мы достигнем более объемного понимания первого стиха комедии и эффекта, на который он рассчитан.

Пересмотрим с этой целью места из древнегреческой словесности, более ранние или современные Аристофану, которые приводят как свидетельства устойчивой связи ласточки с весной. Наиболее полный список таких свидетельств, насколько мне известно, приведен в комментарии Остина—Олсона, однако большая их часть упомянута и процитирована уже в глоссарии греческих птиц Томпсона [8, pp. 319–320].

Большая часть свидетельств просто показывают, что прилет ласточки был приметой весны, а ее пение — обычным признаком весны. Таковы:

1) звено календарной части в «Трудах и днях» Гесиода (568–569): «После него (Арктика) плачущая поутру Пандионида ласточка показывается на свет людям, как только настала весна» (τὸν δὲ μετ' ὀρθρογόῃ Πανδιονίς ὄρτο χελιδὼν ἐς φάος ἀνθρώποις ἔαρος νέον ἰσταμένοιο);

2) фрагмент из «Орестей» Стесихора (Stesich. 211 PMGF): «когда в пору весны звонко поет ласточка» ὅκα ἦρος ὦραι κελαδῆι χελιδὼν; а также сходное выражение в «Птицах» Аристофана (Aristoph. Av. 799–800): «когда весною ласточка, усевшись, звонким голосом поет» (ὅταν ἦρινά μὲν φωνῇ χελιδὼν ἐξομένη κελαδῆ);

3) фрагмент Симонида (Simon. 597 PMG): «Славная вестница благоуханной весны, темно-синяя ласточка» (ἄγγελε κλυτὰ ἔαρος ἀδυσόμου κυανέα χελιδό);

4) родосская песня-веснянка, упоминаемая Афинеем (Carm. ror. 848.1–2 PMG): «Прилетела, прилетела ласточка, привела прекрасную пору...» (ἦλθ' ἦλθε χελιδὼν καλὰς ὥρας ἄγουσα...), — если условно допустить большую древность подобный песен;

5) надпись на знаменитой краснофигурной «Пелике с ласточкой» из Гос. Эрмитажа (ГР-8057): мужчина, юноша и мальчик наблюдают ласточку, над персонажами надписаны реплики: «Смотри, ласточка! — Клянусь Гераклом! — Вон она! — Уже весна» (ἰδοὺ χελιδὼν — νῆ τὸν Ἡρακλέα — αὐτῇ — ἔαρ ἦδη).

Эта серия дополняется еще двумя местами из Аристофана, которые стоит отметить особенно потому, что в них весна не называется собственным именем: одного только упоминания ласточки в соответствующем контексте достаточно, чтобы было понятно, о каком времени года идет речь:

6) персонаж «Всадников» Колбасник рассказывает, как отвлекал внимание поваров на ласточку (Aristoph. Eq. 419): «Смотрите, ребята, не видите? Новая пора, ласточка!» (Σκέψασθε, παῖδες οὐχ ὀρᾷθ'; ὦρα νέα, χελιδὼν);

7) хор в «Птицах», перечисляя, какие пернатые знаменуют собою времена года, упоминает о ласточке (Aristoph. Av. 714–715): «Потом ласточка (являет новую пору), когда нужно продать хлену и купить какую-нибудь легкую накидку» (εἴτα χελιδὼν, ὅτε χρὴ χλαῖναν πωλεῖν ἤδη καὶ ληδάριον τι πρίασθαι).

Всего этого вполне достаточно, чтобы убедиться, что ассоциация ласточки с весной была вполне устойчивой, и предположить, что она могла быть закреплена в той или иной паремической форме, более или менее клишированной. В принципе можно допустить, что слова Свойственника «Неужели когда-нибудь покажется ласточка!» и представляют собой один из вариантов этой клишированной формы, то есть что вопрос о появлении ласточки воспринимался как вопрос о приходе весны, что пожелание появления ласточки воспринималось как пожелание прихода весны и т. д. Но материала для подтверждения этого допущения ничтожно мало, насколько мне известно, лишь два фрагмента. Во-первых, среди комических фрагментов есть один, в котором некий персонаж предлагает задать вопрос; это фрагмент Аристофана 617 Kassel—Austin [9]: πυθοῦ χελιδὼν πηνίχ' ἄττα φαίνεται («Спроси, когда примерно появляется ласточка»). А это почти тот самый вопрос, который задает Свойственник⁷. Во-вторых, крошечный фрагмент из папируса P. Dukeinv. 774cii 11⁸ содержит слова «О, если бы ты появилась, ласточка» (εἰ γὰρ φανεῖς, ὦ χελιδὼν), с очевидным восстановлением Касселя). Для констатации паремического характера изречения этого, наверное, недостаточно, но, во всяком случае, есть одинаковый набор элементов в этих двух фрагментах и в первой реплике Свойственника

⁷ Ван Леувену, кстати сказать, этот фрагмент был известен: он приводит его сразу после цитированного выше комментария на с. 6 своего издания, ставя под сомнение принадлежность этой цитаты Аристофану. Его соображения по этому поводу учтены и в аппарате фрагмента в издании Касселя—Остина.

⁸ Мне известен только по цитате в [4].

в «Фесмофориазусах»: упоминание ласточки, глагол «показываться, появляться», так или иначе выражаемая желательность явления ласточки.

Однако для нас важнее то, что, даже если бы мы могли подтвердить паремический характер всех трех высказываний, в двух случаях (фрагмент 617 Аристофана и фрагмент из P. Duke) нельзя сказать ничего о контексте высказываний, а значит, нельзя понять, понималось ли появление ласточки в них в прямом смысле или в переносном, иначе говоря, имелся ли в них в виду приход весны и уход зимы или благоприятная смена обстоятельств. Иными словами, по этим двум примерам мы не можем увериться, что это изречение о появлении ласточки допускало или даже требовало расширительного толкования.

Вообще говоря, до времени и во время Аристофана не удастся найти почти ни одного изречения о ласточке как вестнице весны, которое бы непременно требовало расширительного толкования. Схолиаст комедии «Всадники» (Schol. vet. ad Aristoph. Equites 419) отмечает паремический характер цитированной выше фразы из Eq. 419 «Новая пора, ласточка» (ὥρα νέα, χελιδών), но ничего не сообщает о том, могла ли эта пословица или присловье иметь расширительный смысл и относиться не только к весне.

Единственное изречение о ласточке как вестнице весны, которое несомненно стало паремическим и даже вошло в паремиографические сборники и при этом явно толковалось в переносном смысле, — это пословица *μία χελιδὼν ἔαρ οὐ ποιεῖ* «Одна ласточка весны не делает», свернувшаяся впоследствии до поговорки «одна ласточка» (если верить словарю Гесихия, Hesych. μ 1318). Эта пословица впервые среди сохранившихся текстов приводится у Аристотеля в «Никомаховой этике» (Aristot. Eth. Nic. 1098a16), и схолий к соответствующему месту в одной рукописи «Этики» приписывает высказывание комедиографа Кратину, поэтому пословица составляет в издании фрагментов греческих комедиографов фрагмент Кратина (Cratin. fr. 35 Kassel–Austin [10], рукопись со схолием указана в аппарате). Впрочем, свидетельство схолиаста о том, что Кратин пользовался этим изречением в комедии «Делиады», не позволяет судить о том, стало ли оно расхожим после Кратина или уже было таковым для него. Несколько раньше, чем Аристотель пословицу процитировал, ее обыграл Аристофан (Av. 1417). Однако, как ни странно это может показаться, контекст первого известного цитирования этой пословицы у Аристотеля и

способ ее обыгрывания у Аристофана не свидетельствуют о ее расширительном или переносном употреблении.

Вот как обыгрывает эту пословицу Аристофан. В комедии «Птицы» персонаж Писетер⁹, увидев Сикофанта, одетого в худой гиматий, говорит: «Кажется, что он нуждается в немалом числе ласточек» (δεῖσθαι δ' ἔοικεν οὐκ ὀλίγων χελιδόνων), то есть он нуждается в приходе весны, для которого было бы недостаточно одной ласточки. Это значит, что обыгрывается прямая мотивировка пословицы, даже если у нее уже и было образное значение.

А вот как цитируется пословица у Аристотеля в «Никомаховой этике» (1098a16–20, цит. по [11]): τὸ ἀνθρώπινον ἀγαθὸν ψυχῆς ἐνέρ γειαγίνεται κατ' ἀρετὴν, εἰ δὲ πλείους αἱ ἀρεταί, κατὰ τὴν ἀρίστην καὶ τελειοτάτην. ἔτι δ' ἐν βίῳ τελείῳ. μία γὰρ χελιδὼν ἔαρ οὐ ποιεῖ, οὐδὲ μία ἡμέρα οὕτω δὲ οὐδὲ μακάριον καὶ εὐδαίμονα μία ἡμέρα οὐδ' ὀλίγος χρόνος. («Человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько — то сообразно наилучшей и наиболее полной [и совершенной]. Добавим к этому: за полную [человеческую] жизнь. Ведь одна ласточка не делает весны и один [теплый] день тоже; точно так же ни за один день, ни за краткое время не делаются ни блаженными, ни счастливыми». — Перевод Н.В. Брагинской.)

Если присмотреться к тому, как Аристотель пользуется пословицей в этом контексте, то станет видно, что и для него эта паремия имеет не переносное, а как раз прямое значение: он приводит ее для открытого сопоставления: как одна ласточка не делает весны, так короткое время деятельности сообразно добродетели не делает счастливым. Сопоставление идет по общей структуре суждений, которые говорят о недостаточности признака для уверенности в явлении. Таким образом, высказывание о ласточке здесь все-таки выступает высказыванием о весне, а не о счастье. Из цитированного пассажа Аристотеля мы видим, по какому пути расширилось употребление этой пословицы, но не конец этого пути.

Наверное, первый памятник, по которому можно судить о том, что пословица об одной ласточке прочно вошла в репертуар переносно понимаемых изречений, — это паремиографический сборник Зенобия (черпавшего, как считается, у эллинистических филологов). По его пояснению, выражение употребляется «пословично» (παροιμιώδως) и означает, «что один день не позволяет привести

⁹ Вариант имени, принятых в русском переводе — Писфетер.

к знанию или к невежеству» (Zenob. 5.12 [12, p. 120]). У позднеантичных и христианских авторов пословица употребляется или обыгрывается уже только в переносном смысле (некоторые примеры в том же издании).

Все сказанное не значит — отмечу специально, — что выражение «одна ласточка не делает весны» не было использовано переносно уже у Кратина и не использовалось так во время Аристофана. Интуитивно даже можно склоняться к противоположному мнению. Но нет примеров, которые бы прямо подтверждали его.

Однако оставим выражение «одна ласточка весны не делает» и вернемся к словам Свойственника о появлении ласточки. В конце концов, эти два высказывания, будучи понятыми образно, говорят о разном, они находятся в разных тематических областях: первое говорит о недостаточности единичного признака для констатации явления (или о недостаточности одного действия для существенных перемен), второе — если оно может быть понято образно — об ожидании перемен к лучшему. Проведенный выше обзор показывает, что до Аристофана мы не находим ни одного текста, в котором появление ласточки подразумевало бы не приход весны, а образно — вообще перемену от худшего к лучшему. Только слова Свойственника в начале «Фесмофориазус» выступают в таком контексте, который позволяет истолковать слова о появлении ласточки как изъявление надежды на окончание тягот, то есть предполагают образное восприятие.

Значит ли, что при таком недостатке доказательств нужно воздержаться от суждения о пословичном и образном характере высказывания Свойственника? На этот вопрос можно ответить по-разному, но, как мне кажется, в таких случаях нужно остерегаться того методического ригоризма, который особенно опасен для исследователей лишь частично сохранившихся корпусов текстов и который из факта «такого не встречается» заставляет делать вывод «такого не бывает и не может быть», как бы забывая на время о том, что сохранившегося материала может быть просто недостаточно для обоснованного утверждения. Если в корпусе встречается нечто небывалое, возможно, оно здесь встречается впервые.

Из сделанного обзора материала, который приводят комментаторы «Фесмофориазус» к первому стиху комедии, я бы заключил следующее.

1. Приводимые примеры текстов, в которых ласточка связана с весной, доказательно иллюстрируют

прочную ассоциацию одного с другим в греческой словесности, но и только.

2. Ни один из приводимых примеров сам по себе не подтверждает, что о появлении ласточки до и во время Аристофана говорили в образном смысле как о перемене к лучшему.

3. Сами слова Свойственника «Неужели когда-нибудь появится ласточка!» — единственный случай употребления подобного выражения, когда контекст позволяет понимать его в образном смысле, то есть «неужели участь переменится к лучшему?». Такое восприятие подтверждает схолий к данному месту.

4. Таким образом, это первый и единственный засвидетельствованный для этого периода случай упоминания появления ласточки в описанном переносном смысле, то есть в таком, когда упоминание появления ласточки по устойчивой метонимии подразумевает приход весны, причем сама весна метафорически устойчиво связана с облегчением участи.

5. Недостаточно материала, который бы подтверждал, что подобное образное упоминание ласточки было пословичным. Два фрагмента, в которых также говорится о появлении ласточки, дошли без контекста. Схолиасты также не говорят об употребленном Свойственником выражении как о пословичном, хотя такого рода замечания по другим поводам у них встречаются. Однако же пословичный характер высказывания весьма вероятен: если автор рассчитывал на то, что зрители поймут смысл образного выражения, скорее всего он принимал во внимание уже закрепившуюся в клишированных выражениях образную связь между ласточкой, весной и переменной к лучшему, а не создал неиспробованную метафору, рискуя быть непонятым.

Подводя итог, можно сказать, что цитаты, приводимые комментаторами для сравнения с первым стихом «Фесмофориазус», важны не только как свидетельства о прочной ассоциации ласточки и весны, которая (ассоциация) могла способствовать возникновению образных выражений типа того, которое употребляет Свойственник. В принципе эта прочная ассоциация вполне ожидаема и не требует исчерпывающего списка подтверждающих ее текстов. Приведение этих текстов скорее важно потому, что на их фоне заметна уникальность начала «Фесмофориазус» среди сохранившихся до нас произведений словесности архаической и классической эпохи: это первый случай, в котором мы встречаемся с упоминанием ласточки как символа окончания мучений.

В более узком поле зрения этот факт помогает нам понять своеобразие начала «Фесмофориазус» среди других комедий Аристофана: с комических сетований начинается несколько комедий Аристофана: «Всадники», «Облака», «Лягушки», «Богатство», но только в «Фесмофориазусах» это сетование начинается с образного — и, вероятно, паремического — восклицания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Scholia in Thesmophoriazusas, Ranas, Ecclesiazusas et Plutum. (Scholia in Aristophanem, Pars 3, Fasciculus 2/3 continens scholias in Aristophanis Thesmophoriazusas et Ecclesiazusas). Ed. R.F. Regtuit. Groningen: Egbert Forsten, 2007. VI, 131 p.
2. The Comedies of Aristophanes. Vol. 8. Thesmophoriazusas. Edited with translation and notes by Alan H. Sommerstein. Warminster: Aris & Phillips, 1994. XII, 242 p.
3. *Aristofane*. Le donne alle tesmoforie. A cura di C. Prato. Traduzione di Dario Del Corno. Milano: Mondadori, 2001. LXXXVI, 386 p.
4. *Aristophanes*. Thesmophoriazusas. Edited with introduction and commentary by C. Austin and S.D. Olson. Oxford: OUP, 2004. CVI, 363 p.
5. Commentarii in Aristophanis comoedias. Collegit digessit auxit G. Dindorfius. Vol. VI. Commentarii in Lysistratam et Thesmophoriazusas et indices in commentarios interpretum. Lipsiae: in libraria Weidmannia, 1821. VI, 436 p.
6. *Deubner L.* Attische Feste. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1962. 266 S.
7. Aristophanis Thesmophoriazusas. Cum prolegomenis et commentariis edidit J. van Leeuwen. Lugduni Batavorum, apud A.W. Sijthoff, 1904. XVI, 156.
8. *Thompson D.W.* A glossary of Greek birds. Oxford: Clarendon Press, 1936. VIII, 342 p.
9. Poetae comici graeci. Volumen III 2: Aristophanes. Testimonia et fragmenta. Ed. Rudolf Kassel, Colin Austin. Berlin; New York: De Gruyter, 1984. XXVII, 444 p.
10. Poetae comici graeci. Volumen IV: Aristophan—Crobilus. Ed. Rudolf Kassel, Colin Austin. Berlin; New York: De Gruyter, 1983. XXXII, 367 p.
11. Aristotelis Ethica Nicomachea. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit L. Bywater. Oxonii: E typographeo Clarendoniano, 1894. VII, 264 p.
12. Corpus paroemiographorum graecorum. Ediderunt E.L. Leutsch et F.G. Schneidewin. T. 1. Gottingae: Vandenhoeck et Ruprecht, 1839. XXXIX, 536 p.

СОКРАЩЕНИЯ

PMG — Poetae melici graeci. Ed. D.L. Page. Oxford, 1962. XI, 623 p.

PMGF — Poetarum melicorum Graecorum fragmenta. Vol. I: Alcman, Stesichorus, Ibycus. Post D. L. Page edidit M. Davies. Oxford: Clarendon Press, 1991. XIII, 336 p.

Дата поступления материала в редакцию: 10 июня 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 29 июля 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on June 10, 2024

Revised on July 29, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024